

Неймарк М.А.
д.и.н., профессор кафедры
Политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России
Neimark M.A.
doctor of historical sciences,
Professor of the department of political science
and political philosophy of Diplomatic academy
of the Russian Foreign Ministry

ДИЛЕММЫ «МЯГКОЙ» И «ЖЕСТКОЙ» СИЛЫ: К УРОКАМ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА¹

DILEMMA OF THE «SOFT» AND «HARD» FORCE: THE LESSONS OF THE UKRAINIAN CRISIS

Аннотация: в статье раскрываются ключевые особенности «мягкой» и «жесткой силы» в контексте стратегии «умного лидерства» в мировой политике. В представленном тексте исследуются различные аспекты концепта «мягкой силы», ее практические проблемы, особенности публичной дипломатии, пределы и перспективы «мягкой силы» в свете интернационализации украинского кризиса.

Ключевые слова: украинский кризис, «мягкая сила», «жесткая сила», геополитика

Abstract: the article reveals the key particularities of the “soft” and “hard power” in the context of the “smart leadership” strategy in the world politics. This text examines the different aspects of the concept of “soft power”, its practical problems, and particularities of the public diplomacy, the limits and perspectives of “soft power” in the light of the internationalization of the Ukrainian crisis.

Key words: Ukrainian crisis, “soft power”, “hard power”, geopolitics

События на Украине, интернационализация украинского кризиса, санкционное давление Запада на Россию и ее контрсанкции в беспрецедентной, пожалуй, степени актуализировали проблемы концептуальной соотнесенности и практического использования инструментария «мягкой» и «жесткой» силы в мировой политике.

1 Работа поддержана грантом РГНФ №15-03-00870 Философия политического и реальная политика

«Мягкая сила» приобретает особое значение в новых – санкционных – условиях перехода Запада от конкурентно-партнерского сотрудничества к конфликтному соперничеству на мировой арене. Так, сценарий самых масштабных за последние 10 лет маневров НАТО «Соединение трезубца – 2015» подчеркивалось, что они помогут альянсу отточить умение использовать «мягкую силу» и публичную дипломатию, а также действовать в контролируемой и враждебной медиасреде. По словам заместителя генсека НАТО А. Вершбоу, учения «продемонстрируют способность НАТО отвечать на все виды угроз – от обычных боевых действий до гибридной войны и вызовов пропаганды» [17].

Сегодня перед нашей страной со всей остротой стоит задача искать оптимальные формы применения «мягкой силы», учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику с опорой на зарекомендовавшие себя информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии. Это тем более важно, что, по словам С.В. Лаврова, выступавшего в рамках «Правительственного часа» в Совете Федерации 18 декабря 2013 г., «мы начинаем осваивать инструменты «мягкой силы», в том числе на европейском направлении, гораздо позже, чем собственно изобретатели этих инструментов – наши западные партнеры» [34]. К.И. Косачев, который вплотную занимался этой проблематикой в качестве руководителя Россотрудничества, оценочно конкретизируя задействованный ресурс отечественной «мягкой силы», с сожалением констатировал: «КПД наших усилий невелик и больше тратится на сохранение того, что есть, без количественного прироста и качественной отдачи» [9]. Особенно наглядно это проявилось в связи с кризисным развитием ситуации на Украине. Характеризуя масштабы использования там «мягкой силы» Россией и Западом и отмечая, что по линии Россотрудничества делалось все зависящее «в пределах имеющихся ресурсов и компетенций», он подчеркнул: «Однако это несравнимо с тем, что столь долго и планомерно вкладывали в Украину Евросоюз и США, обращаясь с важными – в том числе идеологическими – посылами непосредственно к обществу, к украинским СМИ и НПО, к экспертным кругам, к молодежи в

существенно большей степени, чем к властям или бизнес-структурам. Это гигантские ресурсы, затраченные на массивированный стратегический сев, который дал свои мощные всходы в виде того же евромайдана» [10]. Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», научный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» Ф. Лукьянов рассматривает ситуацию с «мягкой силой» в нашей стране в контексте конкуренции идей и ценностей, которая все чаще напоминает ему «мягкую» гонку вооружений. Если речь заходит о слабостях российского внешнеполитического арсенала, констатирует он, все комментаторы – и доброжелательные, и не очень – сходятся в одном: дефицит «мягкой силы». «Проблема не раз признавалась и официально, правда, систематической работы по ее решению не получалось – ни тогда, когда нанимали специальные иностранные компании, ни тогда, когда пытались активизировать работу государственных учреждений» [14].

При этом проблемное поле «мягкой силы» «вспахано» российской наукой и экспертным сообществом весьма основательно. В нашей стране ей посвящено большое количество публикаций, как научных, так и публицистических, защищены диссертации разного исследовательского уровня и достоинства, но все они, как правило, базируются на концептуальных построениях американского ученого и политика Дж. Ная², изложенные им в основном в статьях и особенно в книге 2004 г. «Мягкая сила». Как добиться успеха в мировой политике», которая стала политическим бестселлером и классикой внешнеполитических рекомендаций. С тех пор взгляды Дж. Ная претерпели определенную эволюцию; изме-

2 Дж. С. Най, чье имя отождествляется с концепцией «мягкой силы», не только один из авторитетных и влиятельных политических аналитиков США, но и известный политический практик, занимавший в разное время такие ответственные посты в американской администрации как: помощника заместителя государственного секретаря по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, председателя группы Национального совета безопасности по вопросам нераспространения ядерного оружия, председателя Совета по национальной разведке, заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности, представителя США в Консультационном совете по вопросам разоружения при Генеральном секретаре ООН.

нения, дополнения и новые акценты нашли отражение в его книге 2011 г. (в русском переводе «Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век» вышла в 2014 г.).

В данной статье предпринимается попытка проследить динамику этих изменений в рамках сопоставительного анализа идей в указанных книгах Дж. Ная, что позволит обозначить некоторые особенности проблемного поля «мягкой силы» в новой геополитической реальности, учет которых может быть полезен как в повседневной внешнеполитической практике, так и в разработке новых положений международной стратегии нашей страны.

Исходная проблема в осмыслении «мягкой силы», ее ресурсов и потенциала – адекватность, точность перевода, что чрезвычайно важно в теоретическом и в практико-политическом плане. Существующие терминологические разночтения сказываются, естественно, на понятийном аппарате и на понимании содержательного наполнения: особенности перевода расширяют или сужают, дополняют или специфицируют те или иные составляющие «мягкой силы», создавая предпосылки для разнообразия ее интерпретационных версий.

В понятии «soft power» оба слова – по отдельности – несут самостоятельную нагрузку. Те, кто переводят «power» как «власть», неизбежно сталкиваются с противоречием, т.е. вместо «мягкой силы» возникает некая «мягкая власть», что «рождает ассоциацию с «рыхлой», «слабой», «податливой» властью, что не соответствует смыслу и сути этой власти. Поэтому «soft» переводится с иным акцентом – словом «гибкая» и появляется новое понятие «гибкая власть» [23]. Здесь явно ощущается опасение, будто «мягкая сила» есть слабая сила. Не этим ли объясняется, в частности, замечание о «не совсем корректном переводе русского язычного издания» [30].

Но ни одна власть не хочет быть слабой, выглядеть заскоруждой, быть «властью тьмы». Гибкость власти – это исходный импульс любой грамотной политики – как внутренней, так и внешней. Так что содержательно-терминологически, с точки зрения перевода, эта новация весьма относительна. К тому же акцент на слово «власть» вызывает и другие ассоциации, связанные, на-

пример, с русским выражением «власть употребить», далеким от сути «мягкой силы». Власть – всегда насилие. Бывает, конечно, и ограниченное, в мягких формах, но не они определяют его стержневой смысл. Русская языковая специфика такова, что слово «власть» воспринимается в контексте жестко выраженных императивных коннотаций, слабо согласующихся с «мягкой силой». Обратимся к первоисточнику. Реагируя на различные интерпретационные версии базового смысла, исходно заложенного им в понятие «power» Най вновь предупреждает – уже в книге 2011 г.: ошибочно думать о силе «как «силе над», а не «силе с» другими [16, С. 161]. Нельзя абстрагироваться от уточнения, к которому прибегает Най в примечаниях к той же книге: «Сила предполагает причинную обусловленность и подобна слову «заставить» [16, С. 348]. Поэтому отнюдь не единичны в нашей стране трактовки смысловых значений «мягкой силы», которые характеризуют ее как «гибкость (не власти, но силы – М.Н.), пластичность, ненавязчивость, эфемерность, хрупкость, соблазнительность и даже женственность» [25, С. 173].

Таким образом, в отношении «мягкой силы» исходно создавалась очень непростая понятийно-терминологическая ситуация, допускающая не совсем совпадающие переводческие версии. И здесь, разумеется, нет каких-либо волонтарных языковых переделок. Налицо неоднозначность смыслового содержания обоих компонентов «мягкой силы» в самом английском оригинале, создающей предпосылки для использования в русском переводе слов, которые являются не эквивалентными соответствующих английских лексем, а вербальными инструментами авторских интерпретаций идей Дж. Найа. Эти интерпретации, с одной стороны, привносят не предусмотренные в оригинальной концепции смысловые компоненты, а с другой – приводят к утрате тех смысловых связей, которое имеет английское слово *power*, а в значительной степени также и русское слово *сила* [21, С. 21].

Смыслообразующие особенности понятий в трактовке такого тонкого концептуалиста как Дж. Найа имеют важное практико-политическое значение. В доктринальных внешнеполитических документах, где нюансы никогда не бывают второстепенными,

вряд ли корректно использовать слово «власть», которая все-таки ассоциируется преимущественно с жесткой силой. Не потому ли, несмотря на разнообразные, и по-своему аргументированные варианты перевода, в Концепцию внешней политики России 2013 г. вошло понятие именно «мягкой силы».

Но дело не только в терминологии. Для различения или акцентированного выделения той или иной стороны «мягкой силы» есть изначальные объективные основания. Дж. Най разрабатывал ее не с нуля, ему удалось привести к единому знаменателю комплекс различных идей, мыслей, внешнеполитических положений. При этом он высоко отзывается о трудах американских политологов, аналитиков, чьи концептуальные соображения он использовал в своей работе. Выражая благодарность своему другу Роберту О. Кеохейну, «очистившего металлической щеткой хорошей критики шлак моих первых черновых записей каждой главы», Най писал, что они были соавторами такого количества книг и статей, что «я уже и не знаю, кому больше принадлежат мои мысли, действительно мне или ему» [16, С. 380-381].

Интерпретационные «обогащения», нюансы и оттенки в толковании «мягкой силы» при переносе их непосредственно в практическую плоскость внешней политики и международных отношений, где оценочные параметры играют первостепенную роль, нередко чреватыв выводами, не учитывающими в должной мере глубину и сложность современных мирополитических процессов, особенности сдержек и противовесов в мировой политике, наконец, гигантские геополитические сдвиги XXI века. Так, некоторые исследователи ошибочно полагают, что в эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментарий «мягкой» силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи только стран, «претендующих на статус мирового центра или полюса власти» [25, С. 183]. Но это противоречит очень важному тезису самого Найа, который настаивает на том, что «страны могут обладать политической привлекательностью, которая больше, чем их военный или экономический вес, так как их национальные интересы подразумевают наличие привлекательных целей, на-

пример таких, как экономическая помощь или участие в мирном процессе». В качестве примера он приводит Финляндию, которая в большей степени подпитывалась «мягкой силой», и Норвегию, за последние десятилетия участвовавшую в проведении мирных переговоров на Филиппинах, на Балканах, Колумбии, Гватемале и на Ближнем Востоке, а также Польшу, правительство которой решило послать войска в послевоенный Ирак не только для того, чтобы добиться благосклонности США, но и создать более позитивный образ Польши в мире [32, С. 36-37]. И в своей более поздней книге, возвращаясь к этой теме, Най вновь подчеркивает: «Вполне вероятно, что некий изоциренный противник (такой, как малая страна, имеющая ресурсы для ведения кибервойны) решит, что может шантажировать большие государства. Существует также перспектива нанесения киберударов «независимыми» или «свободными гонщиками», поддерживаемыми государством» [16, С. 202]. Более того, некоторые российские политологи вообще исходят из того, что «для небольших государств «мягкая сила» – это синоним эффективности соотношения ограниченных ресурсов влияния и дипломатического успеха, а также инновационности, экологичности и т.д.» [28, С. 20].

Экстраполяция другого взгляда на роль «мягкой силы» в сферу мировой политики приводит к выводу, с которым никак нельзя согласиться, о том, что среди инструментов влияния не стоит рассматривать «внешнюю политику западных стран, так как она заведомо (?! – М.Н.) будет восприниматься критически со стороны как всего (?! – М.Н.) мирового сообщества, так и ближайших соседей, и степень влияния которой также будет, скорее всего, равен нулю» [12, С. 27]. Упрекая ряд авторов в попытках «искусственно «натянуть» различные известные самостоятельные концепции (власти, психологии влияния, коммуникации, социального взаимодействия, территориального маркетинга) на концепт «мягкой силы», которые на самом деле никакого прямого отношения к нему не имеют» [11, С. 80], некоторые исследователи сами сдвигаются к другой концептуально-методологической крайности, сводя «мягкую силу» всего лишь к «совокупности гуманитарных ресурсов государства» [11, С. 88]. Это в корне

неверная, далекая от первоисточника, констатация. По Наю, «мягкая сила» включает, помимо культурно-гуманитарной составляющей, и политику, политические ценности и институты и др.: см. его публикации. В отмеченном выше подходе видится и другая методологическая нестыковка. С одной стороны, утверждается, что «мягкая сила» потому и является «мягкой», что ее не надо применять и использовать: «Если ее применять, то это уже будет пропаганда и агитация» [11, С. 86]. А, с другой, при формулировании завершающего вывода, подчеркивается: «Реализация (т.е. осуществление, использование? – М.Н.) потенциала «мягкой силы» – это процесс трансляции гуманитарных ресурсов страны...» [11, С. 88]. Но, независимо от этого противоречия, здесь есть сущностный момент. Коль скоро нельзя говорить об использовании (а, собственно, почему?) «мягкой силы», то тем самым ей отводится роль пассивного инструментария. А где же ее активное начало, благодаря которому она получила столь широкое распространение в мире? И как это соотносится с ее опорой на гражданское общество, о котором так много сегодня говорится в контексте «мягкой силы»?

Концептуально-методологическим противовесом такому взгляду на «мягкую силу» можно считать подход, предлагающий рассматривать ее в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами начинают уступать место сетевым структурам [29, С. 25].

Никто не ставит под сомнение необходимость использования культуры в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства, выражения его национальных интересов, создания благоприятного образа страны за рубежом. Но практические выводы, которые делают из этой очевидности отдельные авторы, несут на себе отчетливо выраженный отпечаток необоснованной парадоксальности: «Поэтому (?! – М.Н.) культура, будучи одним из инструментов внешней политики государства, может оказывать дестабилизирующее

воздействие как на состояние международной системы в целом, так и на характер межгосударственных отношений в частности» [27, С. 69].

О концептуально-методологической неадекватности и противоречивости такого подхода можно судить по тому, как он используется в осмыслении состояния и перспектив культурно-гуманитарного сотрудничества России и ЕС. И соответственно по формулируемым практико-политическим рекомендациям: для преодоления разногласий и укрепления двустороннего сотрудничества России и Европейскому союзу предлагается «попытаться сформировать общее идеологическое пространство, которое будет способствовать сближению двух культур и социумов, позволит снизить степень политизированности и неопределенности российско-европейских отношений и окажет стабилизирующий эффект на состояние международной системы в целом и на характере и гуманитарной сферах в частности» [27, С. 79].

Примечательно, что явно «романтизированное» представление об исходной возможности создавать общее идеологическое пространство опровергается самой авторской контраргументацией. Во-первых, между РФ и ЕС отмечается определённый ценностный разрыв, который дестабилизирует двусторонние отношения в культурной сфере и, как следствие, негативно влияет на общий характер российско-европейского политического и экономического диалога» [27, С. 69]. Во-вторых, со стороны ЕС российско-европейский диалог затрудняется тем, что «страны ЕС не всегда признают наличие универсальной европейской культуры и отстаивают главенство своей собственной национальной культуры внутри общеевропейского «культурного поля». В-третьих, в России «также не существует общественного консенсуса по вопросу об основных социальных, политических и культурно-цивилизационных ценностях и ориентирах» [27, С. 69]. В-четвертых, сотрудничество в культурной сфере «нередко обременено конъюнктурными политическими кризисами, что привносит элемент нестабильности в партнерство РФ и ЕС в этой области» [27, С. 70].

О каком общем идеологическом пространстве можно рассуждать, если ЕС даже не попытался объединить потенциал западной

и восточной ветвей европейской цивилизации. Причин, по которым это не произошло, множество. Среди них, в первую очередь, те, которые, имеют стратегические основания. В.Иноземцев, глубоко исследовавший эту проблематику, вычленяет главное – ошибки Запада. Первой и очень значимой ошибкой европейской политики стало проведение границы, «фронтира» Европы по новым рубежам, сложившимся после краха СССР – по сути, по границам Советского Союза конца 1939 года. Это и недооценка властными элитами Европы социальных, политических и социально-психологических последствий распада СССР, своего рода постимперских комплексов и проблем. Кроме того, искусственное разделение постсоветского пространства (и особенно его западных и южных «окраин») на Россию и «прочие» страны было очень важной ошибкой европейцев, которая во многом обусловила современные конфликты на европейско-российских границах. Существенной ошибкой политики ЕС являются упорные попытки изобразить Россию как страну, которая не «вписывается» в обычные параметры сотрудничества, и соответственно использовать применительно к ней особые форматы взаимодействия, хотя в Москве, наверное, были и не против подчеркивания особого статуса России, «но только не таким образом, который демонстрирует ее периферийный статус и указывает на невозможность выстраивания по-настоящему партнерских отношений».

С этим связана, наконец, критическая ошибка западноевропейской политики – недооценка стратегического потенциала европейско-российского сотрудничества: Россия не может быть безопасной для Европы иначе, как будучи инкорпорированной в европейские институты и развиваясь с учетом, а не вопреки, их внутренней логики. Отсюда следует закономерный вывод: «Европа, которая сегодня обладает одной из самых мощных «мягких сил» в мире (замечу: ни одна другая страна или союз не расширился столь масштабно за полвека, как ЕС), практически полностью отказывается применить ее для «соблазнения» России» [7].

Между тем на протяжении последнего десятилетия формулировочные определения, которые сам Дж. Най давал «мягкой силе», претерпели определенные изменения. Концептуализируя

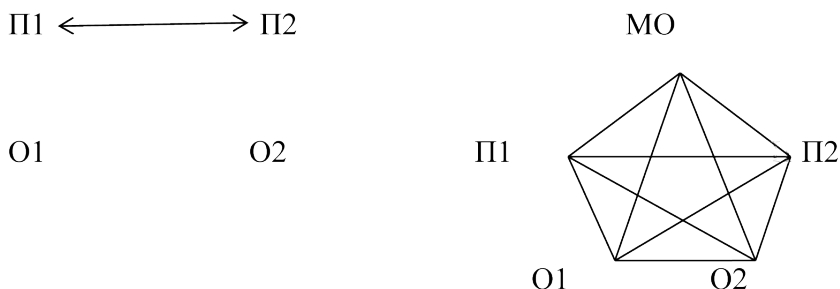
совокупность положений, образующих понятие «мягкая сила», Най еще в предисловии к первой книге, посвященной ей, констатировал, что после 1990 г., когда она впервые стала достоянием общественности, не все понимали содержательную суть этого понятия, «неправильно его использовали и придавали ему тривиальный смысл, сводя его только к влиянию кока-колы, Голливуда, голубым джинсам и деньгам» [32, pp. 11]. Семь лет спустя в новой книге, продолжающей его исследования, он вновь обращает внимание на такое положение дел и на этот раз подчеркивает, что «некоторые аналитики неправильно истолковали мягкую силу как синоним культуры и тем самым принизили ее важность» [16, С. 58]. Комментируя другие неточные интерпретации мягкой силы, Най отмечал, что ее широкое использование иногда приводило к толкованию концепции как синонима чего-то иного, кроме военной силы. Но главное, чем он объясняет многие ее концептуальные разночтения, это, впервые, пожалуй, сформулированное им с такой ясностью и определенностью уточнение, что *«мягкая сила – это скорее образное обобщение, чем нормативно выраженная концепция (выделено М.Н.)»* [16, С. 148].

Явная запоздалость столь важного, исходно необходимого, концептуального посыла объясняется скорее всего желанием Найа этим «анестезирующим» разъяснением ответить сразу всем его критикам и оппонентам. Но тут неизбежно возникает коллизия: Най I против Найа II. Своим заявлением он закладывает мину замедленного методологического действия под прежние теоретические построения, как бы «давая добро» на любые, самые вольные их интерпретации. Но как оно согласуется с его же многократными, как это показано выше, оценочными предупреждениями о неправильном, зауженном понимании и даже искажении вполне четкого смысла, заложенного им в понятие «мягкой силы»? Сопоставляя, в частности, собственное представление «мягкой силе», включающее «произвольные параметры установки программы и установки предпочтений путем привлекательности и убедительности», с концепцией, так называемого третьего лица силы С. Льюкса, который называет ее «кузиной» мягкой силы, Най в примечаниях к своей книге приводит его критическое за-

мечание в свой адрес: «Как ставящий в центр объект воздействия Най, так и ставящий в центр субъект воздействия Фуко – оба не учитывают эту отличительную особенность... Нам же следует обращать внимание как на объект, так и на субъект и задаваться вопросом: каким точно образом объектам удастся завоевать сердца и умы субъектов своего воздействия – путем применения силы в отношении них или содействуя укреплению возможностей последних» [16, С. 388].

«Мягкую силу» Най определяет как способность получить желаемое через привлечение, а не через подавление. И оговаривает принципиально важный момент: «Мягкая сила не должна быть игрой с нулевым результатом, в которой достижение одной страны обязательно означало бы потери для другой» [16, С. 162].

Най отводит большую роль публичной дипломатии в мировой политике, объясняя это тем, что на выработку «мягкой силы» влияет множество негосударственных акторов внутри и за пределами государства, которые воздействуют как на широкие массы, так и на правящие элиты в других странах. О ее растущей востребованности говорит тот факт, что появилось даже понятие «новая публичная дипломатия» – разновидность «умной силы», в укрупненном формате получившая название «геополитика соблазнения». Особенности классической и непрямой, публичной дипломатии, Най раскрывает на сопоставлении двух формализованных моделей [16, С. 180]:

Обозначения: П – правительство; О – общество; МО – международная организация.

Вместе с тем, Най трезво оценивает ресурсные возможности публичной дипломатии. Он предупреждает, что стратегия общения не может работать, если она идет против существа политики: «Действия больше говорят сами за себя, чем слова, и публичная дипломатия, которая оказывается не более чем ширмой для твердой силы, вряд ли сможет иметь успех». И еще жестче: «Зачастую политические деятели рассматривают публичную дипломатию как примочку, которую можно приложить на раны, нанесенные другими инструментами» [16, С. 187]. Эта оценка служит своего рода камертоном для обозначения объективных и субъективных ограничителей эффективности публичной дипломатии.

Особенность политико-методологического подхода Наю в том, что он не разводит по полярным полюсам мягкую и жесткую силу, не противопоставляет их, считая, что они родственны, будучи двумя сторонами способности достигать определенных целей путем воздействия на поведение других. Разницу между ними он усматривает как в степени, так и в природе поведения и материальности ресурсов. Директивная, жесткая сила – способность изменять то, что делают другие, – может базироваться на принуждении или побуждении. А в основе «мягкой силы», сила сотрудничества – лежит привлекательность культуры и ценностей. Разница между ними имеет широкий спектр – от принуждения и экономического побуждения до установления приоритетов и «чистой привлекательности» [32, р. 7].

Особенности жесткой и мягкой силы и их ресурсы по Наю [32, р. 8]:

	Жесткая сила	Мягкая сила
Спектры поведения	Команда Принуждение Понуждение	Установление Привлекательность Сотрудничество Целей
Наиболее вероятные ресурсы	Сила Подкуп Санкции Взятки	Институты Ценности Культура Политика

Оценивая издержки и последствия упрощенного понимания силы, Най приходит к выводу (который вряд ли разделяют многие политики в разных странах), что в тех случаях, когда люди определяют силу как синоним имеющихся ресурсов, они иногда сталкиваются с таким парадоксом – те, кто в наибольшей степени наделен силой, не всегда добиваются желаемых результатов. Он приводит наглядный пример: с точки зрения ресурсов США были несоизмеримо сильнее Вьетнама, но войну с ним они проиграли. И другой пример: США не сумели предотвратить трагические события 11 сентября 2001 г., несмотря на геополитический статус единственной супердержавы в мире.

Некоторые авторы, исследуя формат соотносительности «мягкой» и «жесткой» силы, указывают на «пространственные асимметрии» внутри самих концепции «силы»: разные «силы» будут преобладать на различных пространствах, во взаимоотношениях между различными государствами, какие-то государства в отношениях друг с другом будут преимущественно полагаться на инструменты «мягкой силы», для других отношения в духе «жесткой силы» будут по-прежнему более эффективными. Более того (к вопросу Найа о том, что следует смотреть на то, «в какую игру вы играете»), одно и то же государство будет играть в разные игры на разных пространствах, прежде всего в отношении баланса «жестких» и «мягких» инструментов – достаточно сравнить политику США в отношении, к примеру, стран Евросоюза и их политику в отношении Ирака и Сирии [3, С. 114].

Особый интерес в условиях санкционного давления на нашу страну представляет подход Найа к проблеме соотносительности мягкой силы и санкций. Здесь ученый и политик категоричен: «Общим для всех санкций является манипулирование экономическими операциями в политических целях» [16, С. 133]. И далее, не менее однозначно: «Главной целью санкций является изменение поведения, сдерживание и смена режима в другой стране» [16, С. 137]. Откровеннее не скажешь. Эти выводы тем более важны, что сделаны за несколько лет до событий на Украине, интернационализации украинского кризиса и введения санкций против России. Сенсационным по своей необычной откровенности стало

заявление государственного секретаря США Дж. Керри в августе 2015 г.: «Нам и так непросто убеждать Европу, давить на Россию из-за Украины».

Най приводит весьма красноречивую статистику, согласно которой всего за пять лет, с 1996 по 2001 гг., США в одиночку применили 85 новых санкций, что дало повод, некоторым остроумцам иронизировать, что США применяли санкции против половины человечества. Санкции общего характера, считает он, приносят страдания лишь бедным слоям населения, не затрагивая сколько-нибудь серьезно жизненные интересы тех, кто реально принимает решения. Распространение санкций, дававших ограниченные результаты в 90-х гг. прошлого столетия, привело к попыткам разработать «умные санкции», которые действовали бы против элит, а не населения. Главное здесь – их предупредительная роль. Рассматривая ее с точки зрения «мягкой силы», Най подчеркивает, что сигнал предупреждения может нанести реальный ущерб объекту. И прогностические оценки санкционного потенциала он тесно увязывает с ее ресурсными возможностями: «Санкции, по-видимому, останутся главным инструментом силы в XXI веке, несмотря на их неоднозначность, благодаря их ценности в плане предупреждения и мягкой силы, а также благодаря тому, что они часто бывают единственным сравнительно дешевым вариантом политики» [16, С. 139-140].

С практико-политической точки зрения особо важным является вопрос о пределах эффективности «мягкой силы». Здесь диапазон мнений в научно-экспертной среде варьируется весьма широко: от утверждения, что в век информационных технологий и когнитивных войн ее возможности «становятся поистине неограниченными» до сдержанных, скептических и весьма критических оценок, а некоторые оппоненты, например, во Франции, отождествляя «мягкую силу» с вялым влиянием, даже настаивают на том, что наступил «конец легенды» и «кончина концепта» стала реальностью (Пьер Герлен).

О разбросе оценочных позиций можно судить, в частности, по такому наглядному примеру: на опубликованную автором этих строк статью в «Независимой газете» под взвешенным, как ка-

залось, заголовком «Свет и тени «мягкой силы» [18], учитывающим концептуальную суть и логику первоисточника, не замедлила ответная реакция в виде публикации в той же газете, название которой отражает иное, строго однозначное, понимание проблемы – «Светлые горизонты «мягкой силы» [15].

Но опять обратимся к первоисточнику. Уже в книге Ная 2004 г. целый раздел назван весьма символично: «Пределы «мягкой силы». И тем более в книге 2011 г. он неоднократно предупреждает о необходимости не преувеличивать воздействие «мягкой силы» в мировой политике: «Возникают некоторые ситуации, в которых мягкая сила дает очень небольшие рычаги воздействия» [16, С. 152]. В оценке конкретных возможностей и потенциала ее использования в США и КНР он исходит из того, что «как для китайской, так и для американской мягкой силы есть свои пределы» [16, С. 160]. Итогом его размышлений по этому вопросу стал вывод о том, что мягкая сила «может обращаться как во благо, так и использоваться с плохими целями» [16, С. 148], который он повторяет в другом месте с опасением, что она «может быть применена с плохими намерениями и принести ужасные последствия» [16, С. 405]. Он формулирует положение, которое звучит как политическое предупреждение: «выкручивание мозгов отнюдь не лучше выкручивания рук» [16, С. 148].

Эффективность «мягкой силы» зависит от множества факторов, которые прямо или опосредованно определяют степень ее результативности. Причем, разброс оценок здесь варьируется в самом широком диапазоне: от гипертрофированно завышенных до неоправданно минимизированных. Особенно наглядно этот разброс наблюдается при использовании сугубо количественных показателей, когда количественный критерий ставится во главу угла измерений столь многослойного феномена. Поэтому в усложняющихся – по нарастающей – геополитических условиях все более насущной становится потребность в объективной, насколько это возможно, оценке эффективности «мягкой силы».

В развитие понятия «мягкая сила», Дж. Най использовал термин «умная сила», впервые введенный в научный и экспертно-политический оборот американским политологом Феном Хемпсоном, за что Най выразил ему большую признательность в примечаниях к своей книге (это к вопросу об единоличном авторстве «умной силы»).

Исходя из того, что «мягкая сила не есть решение всех проблем», Дж. Най обосновывает тезис о сочетании жесткой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения» [16, С. 18]. Так возникла «стратагема умной силы», которая легла в основу деятельности двухпартийной комиссии по «умной силе» в Центре стратегических и международных исследований, которую он возглавил вместе с известным американским политиком Ричардом Армитиджем несколькими годами позже после выхода его книги «Мягкая сила: как добиться успеха в мировой политике». Явно имея в виду критику в адрес «мягкой силы», а также ее различных интерпретационных версий, Най настаивает на том, что умная сила – это не просто «удвоенная мягкая сила». Речь идет «о способности соединять жесткую и мягкую силу в эффективную стратагему, применяемую при различных обстоятельствах» [16, С. 19].

Таким образом, «умная сила» - это взаимосвязанная целостность различных компонентов в их синергетической концептуальной и практико-политической соотнесенности – культурно-гуманитарных, цивилизационных, социально-политических, экономических, военных и т.д., задействованных с учетом их умелого системного взаимодействия в беспрецедентно усложняющихся условиях развития мирополитических процессов, разнонаправленность которых усиливается по нарастающей.

«Умная сила» сугубо прагматична, ее геополитическая суть – рациональная взвешенность или взвешенная рациональность. Она ориентирована, естественно, на продвижение и защиту национально-государственных интересов, определяемых на основе собственного видения конкретных особенностей мирового развития, но с гибким, реально новым учетом гигантских подвижек на

международной арене, которые ранее не принимались во внимание вообще или в недостаточной мере – столь стремительно изменился состав акторов мировой политики и степень их влияния. В этих условиях, признает Най в своем блоге, «скомбинировать жесткую и мягкую силу в умную стратегию – дело нелегкое» [33].

Отправная точка для адекватного понимания концептуальной новации «умной силы» и причин ее появления – расстановка сил крупнейших государств в мире и их ресурсов. Уходя от наиболее распространенных определений расстановки сил в глобальной мировой политике, Най квалифицирует ее следующим образом: «Мир не является ни однополярным, ни многополярным, ни хаотичным, ему свойственны одновременно все эти три характеристика» [16, С. 347]. Основанием для такой констатации он видит в двух типах изменений – это «передача сил и распыление силы». Если переход силы от одного доминирующего государства – исторически привычное явление, то распыление силы, которое происходит как вертикально, так и горизонтально, – относительно новый феномен международной жизни. Най имеет в виду новую форму «пересекающихся сообществ», которые в значительной степени предопределяют динамику и характер беспрецедентных изменений в современном мире, вызванных информационно-технологической революцией. В этих условиях, подчеркивает Най, информация становится ключевым ресурсом силы, неизбежная диффузия которой приводит к тому, что мировая политика больше не является прерогативой одних только правительств, которые на международной арене должны считаться с постоянно возрастающим числом негосударственных акторов.

В современных условиях глобальной взаимозависимости в мире происходит не только увеличение количества транснациональных игроков, но и изменение их типов. Раньше транснациональная активность жестко контролировалась крупными официальными структурами; сегодня свободно структурированные, практически неконтролируемые, сетевые организации приобретают международную значимость и весомость. Именно в сетевом характере международного терроризма – первопричина огромных трудностей в противоборстве с ним.

Най акцентирует внимание на возрастающую роль киберсилы, или виртуальной силы, основанную на информационных ресурсах, которая со всей остротой ставит вопрос об обеспечении кибербезопасности. Киберсила, которую Най определяет с учетом поведенческого фактора, представляет собой способность достигать желаемых результатов за счет использования информационных ресурсов виртуальной сферы кибердомена, при том, что это может происходить *внутри* киберпространства или в других сферах за *пределами* киберпространства.

Най разделяет игроков в киберпространстве на три основные категории (с оговоркой, что существует множество подкатегорий): правительства, организации с высокоструктурированными сетями, отдельные лица и слабоструктурированные сети. Отмечая, что распыление силы в виртуальном пространстве сопровождается относительным сокращением разницы в их силе, он делает при этом специальную оговорку: «... распыление сил не означает равенства сил или замены правительств как самых влиятельных игроков в мировой политике» [16, С. 253].

Эффективность «умной силы» в мировой политике предполагает и соответствующий стиль ее использования государственными деятелями и политическими элитами, всеми, кто причастен к принятию внешнеполитических решений. Черно-белое, устойчиво-матричное представление о мирополитических процессах никак не вписывается в объективно-усложненную логику умной силы. Най тесно увязывает стиль и сущность внешней политики, делая упор на то, что политика, учитывающая интересы других людей и долгосрочные национальные интересы, более привлекательна для других стран, нежели политика, которая страдает узостью и близорукостью. Критикуя тех, кто в американской администрации выступает «за более напористый подход к продвижению американских ценностей», он фиксирует его слабую эффективность в восприятии других стран, «чьи граждане видят, что американцы не обладают иммунитетом против спеси и следования только собственным интересам» [32, pp. 63-64].

Независимо от используемой тактики, подчеркивает Най, «скромность является важным аспектом стиля внешней поли-

тики». Он приводит весьма показательные результаты опроса общественного мнения в 11 странах, проведенного «Би-Би-Си» еще в 2003 г., которые показали, что большинство в каждой из них, включая США, считает Америку «высокомерной страной» [32, pp. 66-67]. В подтверждение своих выводов он цитирует тогдашнего советника американского президента по национальной безопасности Brenta Скоукрофта, предупреждавшего, что коалиции, созданные «по нашему желанию, могут придать нам имидж высокомерной страны, и можно дойти до точки, когда все будут надеяться, что наступит момент, когда кто-нибудь в конце концов поставит фингал под глазом США из-за того, что мы всем обрыдли, и тогда мы будем полностью связаны по рукам и ногам» [32, p. 67].

Ситуация, описанная Наем, отнюдь не изменилась, и не могла, впрочем, измениться и в последующие годы. З. Бжезинский, призывая «высказываться скромнее», ссылаясь на «замечательный пассаж» Рейнольда Нибура о том, что чем ближе цивилизация к своему упадку, тем горячее она твердит о своем превосходстве: «В этом содержится предупреждение. У нас в последние годы была тенденция – говорить о международных делах в манихейских терминах. Мы – оплот праведности. Кто не с нами – тот против нас. Кто против нас – тот по определению на стороне зла. Я думаю, что надо быть чуть скромнее» [1, С. 312]. В еще более жестких выражения он говорил о том, что в политике США после распада СССР были «и упущенные возможности, и невысказанные глупые действия» [1, С. 19].

В основе американского культового мессианства лежит исходная макроисторическая идея о глобальной роли США в развитии мироустройства по тем лекалам и стандартам, которые определяют сами США. Распад СССР и кардинальное изменение глобальной международной ситуации отнюдь не ослабили давнее стремление США американизировать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и параметров политического мироустройства. В своей основе сохранились прежние представления американских политических элит о системе международных отношений и миропорядке, а также цен-

ностно-идеологические принципы внешнеполитического поведения США. Лишь немногие идеи и концепции исчезли с окончанием «холодной войны»: «Напротив, большинство из них вышло за пределы того политико-исторического контекста, в котором они появились. Они продолжают существовать до сих пор, принимая на себя новые политико-идеологические функции, наполняясь иным содержанием, но при этом, продолжая логику тех мотивационных, ценностных и идейных элементов, которые развились в сознании элит Запада в годы существования биполярного миропорядка» [4, С. 297].

Мессианские устремления политической элиты США в значительной степени определяют ее стратегическое видение вызовов и угроз современного мира, перспектив развития международных отношений, не говоря уже о внешнеполитических действиях руководства страны, совершаемых без особой оглядки на институционализацию международной среды. Збигнев Бжезинский высказался на этот счет со всей определенностью: «Теперь распространение демократии становится нашей целью, нашей миссией, пусть даже *это приходится делать силой*» (выделено М.Н.) [1, С. 251]. Конкретизируя свою оценку, он заявил: «И хотя результаты демократического миссионерства в целом не так уж плохи, у него есть свои недостатки – и в том, что ширма демократизации используется как предлог для достижения иных целей, как в Ираке, и в том, что *нам случалось существенно отступить от своей универсальной приверженности демократии, когда нам это было удобно*» (выделено М.Н.) [1, С. 253].

С европейского угла емко и точно, со знанием дела, охарактеризовал эту особенность американской внешней политики видный французский дипломат Габриель Робен, входивший в разное время в ближайшее окружение президентов Франции. Отмечая, что за последние годы холодной войны и переходного периода «у американцев выработались дурные привычки», он так суммировал свои оценочные выводы: «США так долго говорили о том, что они борются с «империей зла», что, в конечном счете, сами поверили, будто являются «империей добра». Они так долго рассуждали о демократии и правах человека, что больше не сомнева-

лись: им принадлежит эксклюзивное право собственности на эти две ценности. Американцы не только попали во власть подобного рода иллюзий, но и слишком пристрастились к возможности легко поступиться этими ценностями» [24, С. 68].

И в наши дни на геополитической избранныости США, «исключительности американской нации» настаивает само руководство страны, о чем свидетельствуют многократные заявления Б. Обамы. В своей известной статье в «Нью-Йорк Таймс» В. Путин предупредил об опасности попыток президента США обосновать подобную мессианскую позицию: «Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности».

Най придает большое значение адекватному пониманию сути и степени международной привлекательности отдельной страны, ее брендинга в мировой политике. Здесь есть серьезная проблема и она имеет самое прямое отношение к формированию и продвижению имиджа России за рубежом. Нам уже приходилось писать о том, что в отдельных сегментах нашего политологического сообщества заметное распространение получила точка зрения, согласно которой именно бренд-политика является стратегическим компонентом «мягкой силы». Речь идет о своего рода рекламно-маркетинговом подходе к международному имиджу России.

Прямая экстраполяция технологическо-маркетинговых возможностей на международные отношения, гипертрофированное преувеличение их стратегической политико-прикладной значимости доведена до обобщающего утверждения, что именно имиджевая политика России и есть ее «стратегический приоритет». Это концептуальное нововведение обосновывают тем, что политическая власть сегодня переместилась в виртуальное пространство, в мир образов, имиджей и символов. Их влияние в современном глобальном пространстве, конечно же, весьма заметно, но чрезмерно завышенные оценки их влияния в нем приводят к неадекватным практическим выводам. «Брендингованный» подход, органически сопряженный с известным маркетинговым тезисом – важнее быть первым, чем лучшим – входит в глубинное противоречие с репутационным принципом, который, с нашей точки зрения, является основополагающим: быть, а не казаться.

Репутационная ресурсоемкость «бренд-политики» без реальных успехов и побед государства, заметных на фоне других стран, минимальна. Международно-репутационная конкурентоспособность страны это прежде всего естественное, органичное производное успешной и потому привлекательной внутренней политики в широком спектре ее проявлений. Еще в XIX вв. прагматичные датчане исповедовали идею, которая актуальна и сегодня: «выигрывать внутри страны то, что проиграно вовне».

Для продвижения положительных представлений о стране во внешний мир едва ли не самым действенным в условиях информационного общества оказывается собственный позитивный опыт развития, с вескими основаниями считает И.С. Семененко. В этом смысле прослеживается определенная, хотя зачастую и опосредованная (ввиду исторически сложившейся большей или меньшей открытости национального сообщества внешнему миру) взаимозависимость между объективными факторами развития и их субъективным истолкованием, «внешними» и «внутренними» составляющими национального образа. «Совпадением положительного вектора восприятия «внешнего» и «внутреннего» образа страны свидетельствует в пользу успешной реализации инновационной модели социально-экономического развития» [26, С. 16]. Методологически обоснованным представляется осмысление – во взаимосвязанной конкретике – цепочки следующих факторов. Характер представлений о себе и о своем месте в мире («внутренний» образ страны) оказывает неоднозначное влияние на восприятие страны за ее пределами («внешний» образ). В свою очередь «внешний» образ ориентирован на представления о стране, сложившиеся за пределами национального культурного поля (что «другие» думают о «нас») и определяет ее репутацию. «Внутренний – строится на самооценке, но дополняется проекцией внутреннего восприятия за пределы национально-государственной общности (что «мы» хотим и считаем нужным рассказать о себе «другим»). При этом позиционирование по отношению к «иному» и соотнесение себя с другим национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности [26, С. 10].

Бренд, лишенный реально заслуженного репутационного качества, легко выхолащивается, распространяясь в самых разнообразных имитационных версиях. Особое значение здесь приобретает понятийно-смысловое обозначение достаточного распространенного в политологических кругах термина «мировое имиджевое пространство». Возникает вопрос, имеющий принципиальное внешне-политическое значение: в *имиджевом* ли пространстве позиционировать нашу страну и добиваться ей достойного места, или все-таки в мировом *репутационном*, где критерии оценок геополитического статуса и реального положения государств в мире формируются по другим, неимиджевым лекалам? Не об этом ли писал Най еще в 2004 г.: «Сегодня репутация играет еще более важную роль, чем в прошлом, и политическая борьба разворачивается вокруг создания или разрушения достоверности». Он подчеркивал: «Политика стала сферой соперничества конкурирующих достоверностей», причем правительства конкурируют за достоверность не только с другими правительствами, но и с широким спектром альтернативных источников, включая средства массовой информации, корпорации, негосударственные организации, межгосударственные организации и сети научных сообществ [32, р. 106]. Завершает он свою мысль конкретным выводом: «Информация, которая оказывается пропагандой, может не только восприниматься с усмешкой, но может стать и контрпродуктивной, если она подрывает репутацию страны с точки зрения достоверности и правдивости» [32, р. 107].

Между тем, Най предупреждал, что «некое подражание или привлечение не дают много власти над политическими результатами, и сама имитация не всегда приносит желаемые результаты» [32, р. 15]. Исходный пункт его оценочной логики – «даже самая лучшая реклама не способна продать непопулярный продукт» [32, р. 110]. «И в новых обстоятельствах века информации», пишет он семь лет спустя, «тактичная пропаганда достоинств гораздо эффективнее навязчивой рекламы» [16, С. 188]. В другом месте он вновь возвращается к этой проблеме, напоминая первое правило рекламного дела: «если у вас плохой товар, даже самая хорошая реклама не поможет его продать» [16, С. 62]. И главное: «действия больше говорят сами за себя, чем слова...» [16, С. 187].

Но это одна сторона проблемы. Другая – отражает непосредственно внешнеполитический аспект маркетинговой трактовки международного имиджа России. Заявлен подход, методологически, концептуально и практически не выверенный с внешнеполитического угла и адекватно не соотнесенный с нынешней расстановкой сил в мировой политике, где важно учитывать реальность и видимость, подвижные грани между желаемым и возможным, задуманным и достижимым. Авторы, изучающие не только теорию национального, или странового брендинга, но и богатую практику предоставления услуг по его улучшению, справедливо полагают, что бренд-исследования, проводимые специализированными компаниями и консалтинговыми группами с учетом их коммерческих интересов «имеют высокую степень субъективности», а это позволяет заказчикам – правительственным чиновникам разных стран для демонстрации успешности своей работы «подобрать то исследование, которое более благоприятно для страны, и умолчать о менее благоприятных для себя» [31, С. 51].

В этих условиях утверждать, что «бренд-политика» суть основа внешнеполитической стратегии России, значит придавать пренебрежимо малое значение самой доктринальной базе ее международной политики. Как подчеркивалось в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г., многообразие и сложность международных проблем и кризисных ситуаций предполагает своевременную оценку приоритетности каждой из них во внешнеполитической деятельности страны. «Использование политико-дипломатических, правовых, военных, экономических, финансовых и иных инструментов при решении внешнеполитических задач должно быть соразмерно их реальному значению для обеспечения внешнеполитических интересов России».

Предлагаемый в качестве политологического новшества утилитарно-технологический подход, возводящий «бренд-политику» в ранг первоосновы всей международной деятельности России, не может заменить базовые составляющие стратегического планирования ее внешней политики. Завышенное представление о КПД маркетинговой версии международного имиджа России в практическом плане оборачивается весьма иллюзорным

оценочно-прогноznым выводом о легковесной возможности решения этой многосложной проблемы.

Между тем, некоторые авторы продолжают настаивать на том, что позитивный имидж государства, основу которого определяет бренд-политика, «играет сегодня определяющую роль в международных отношениях» [6, С. 287], являя собой «стратегический приоритет» [6, С. 13] для страны. Но при всей огромной важности имиджа такое упрощенно-зауженное представление о шкале внешнеполитических приоритетов России отнюдь не соответствует нынешним сложнейшим геополитическим реалиям. Эти авторы определяют национальный брендинг как «процесс целенаправленного воздействия на образ страны с помощью комплекса современных маркетинговых технологий», но тут же сами сущностно ограничивают его реальные возможности и признают, что «это только способ заставить мир захотеть обратить внимание на положительные стороны, качество жизни и успешное развитие страны» [6, С. 21]. Сомнение в стратегически-первоочередной значимости бренд-политики усиливает оговорка, что «нельзя переоценивать маркетинговые и информационные технологии» и тем более весьма убедительная ссылка на С. Анхольта и Д. Хильдрета: весьма наивной представляется вера политтехнологов в их магические способности «превратить свинец в золото» - совершить невозможное и с помощью хитроумного трюка заставить весь мир считать плохое поведение хорошим.

С учетом этих и других концептуальных разночтений, политико-методологической несбалансированности ряда оценочных положений вряд ли можно согласиться с пожеланием, чтобы книга, в которой они изложены, «стала практическим руководством к действию для отечественной политической элиты» [6, С. 347].

Таким образом, предлагаемый концептуальный модуль не может быть самоценным сам по себе; возможности его практической функциональной применимости определяются прежде всего в контексте всей внешнеполитической стратегии России. «Бренд-политика» - как вспомогательный, дополнительный инструментарий – обретет определенную прикладную значимость только при условии, если будет опираться на реальный репутационный

ресурс государства. Принципиально важную мысль высказал В.А. Луков: «Менять имидж - вовсе не самостоятельная задача, которую можно превратить в изолированный проект, закрыв глаза на то, что происходит. Создавать о себе хорошее впечатление – это задача сопутствующая. Сопутствовать здесь означает и следовать за изменениями, происходящими в стране, и подталкивать изменения вперед» [13]. Главная же задача бренд-политики видится в информационно-пропагандистском сопровождении внешнеполитической деятельности России и, конечно же, в создании благожелательного международного фона, минимизации обобщенных негативно-стереотипных представлений о происходящем во всех сферах общественной жизни внутри страны.

Те исследователи, которые взвешенно оценивают реальные возможности и потенциал политического брендинга, относят его к *видам* деятельности, рассматривая его одновременно и как *инструмент* публичной дипломатии, пропаганды, информационной войны. «Мягкая сила», в отличие от них, это *ресурс* для целей обретения которого могут использоваться все перечисленные виды деятельности. При этом термины *пропаганда* и *информационная война* имеют отрицательные оценочные коннотации и в контексте «мягкой силы» их обычно избегают именно по этой причине [21, С. 21].

Содержательно насыщенную гипотезу трехмерного структурного анализа международного имиджа России выдвигает Б.И. Коваль. По его мнению, путаница с разным пониманием «имиджа/образа» привела к серьезным методологическим ошибкам и в результате это понятие стало употребляться в том смысле, что внешняя форма якобы адекватно отражает внутреннюю сущность и даже может ее изменить к лучшему. Он предлагает трехмерную систему сопоставления автономных параметров первообраза России с целью определения их соответствия друг другу: 1) первообраз России как общества и государства, взятый в объективных социально-экономических, политических и духовных показателях ее наличного состояния – «факт, как он есть, т.е. «ноумен», подлинность»; 2) образ России, точнее ее «физиономия» (имидж) в представлении самих россиян, т.е. самоидентифи-

фикация; 3) имидж России, как он складывается в сознании и восприятии других народов и государств. Эти изменения – ноу-мен, феномен и имидж – соотносятся между собой определенным образом. Иногда это может быть относительное соответствие, иногда значительный разрыв. При этом внешний имидж вообще не отличается стабильностью, а, напротив, постоянно находится «в пульсирующем колебательном режиме», что объясняется как «тонкостью» самой психоментальной субстанции, так и влиянием различных ситуационных факторов [8, С. 81].

Новая особенность российской умной «мягкой силы» – расширение геополитического ареала ее использования в стратегически значимых для нашей страны международных организациях и объединениях. Выступая на саммите БРИКС в июле 2015 г. в Уфе, В.В. Путин особо выделил то обстоятельство, что справедливый и безопасный мир невозможно устроить без тесного гуманитарного сотрудничества: «Именно поэтому Россия стремится углублять контакты в сфере культуры, науки, образования, туризма со всеми партнерами в БРИКС, в ШОС, в Евразийском Союзе и в других форматах».

Весьма показателен в этом отношении пример БРИКСа, культурно-цивилизационное значение которого исходно предопределяет огромный потенциал и реальные возможности его «мягкой силы». Разъясняя стратегическую важность «мягкой силы» БРИКС, заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков сделал упор на то, что это объединение «и далее будет завоевывать авторитет и влияние в мире «мягкой силой», экономическими и социальными достижениями своих участников» [5]. В условиях формирования полицентрической системы международных отношений и усиления экономической взаимозависимости государств, подчеркивается в Концепции участия Российской Федерации в БРИКС, все более широкое применение находят неинституциональные структуры глобального управления и сетевая дипломатия.

Новым инновационным этапом в развитии «мягких» форматов стало председательство России в БРИКС с 1 апреля 2015 г. Конструктивные инициативы нашей страны нашли отражение

в Концепции председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах. В ней отмечалось, что до этого времени социально-политическое и гуманитарное взаимодействие в БРИКС носило «ограниченный характер». Поэтому ставилась задача его полноформатного развертывания. Документ ориентировал на качественное изменение положения в этой важной области с целью способствовать укреплению позиций нашей страны в БРИКС, развитию межкультурного диалога, продвижению общих ценностей стран-участниц на мировой арене. Россия выступила с инициативой «начать формирование культурного измерения БРИКС. Подчеркнута важность использования сотрудничества в этой сфере для усиления позиций российской культуры и русского языка в крупнейших странах мира, каковыми являются участники этого межгосударственного объединения. Особо отмечена необходимость вовлечения в его деятельность как политических сил, так и организаций гражданского общества стран БРИКС. Предложена целевая программа формирования «молодежного измерения» БРИКС, включающей в себя:

- проведение Форума молодых лидеров стран БРИКС и Глобального университетского саммита БРИКС;
- учреждение Сетевого университета БРИКС;
- расширение приема граждан стран БРИКС в российские вузы;
- проведение Форума молодых дипломатов стран БРИКС, внедрение в практику стажировок молодых дипломатов из этих стран в МИД России и прием их на обучение в российские вузы на взаимной основе, в том числе в Дипломатическую академию МИД России на основе Соглашения о сотрудничестве дипломатических академий стран БРИКС».

В результате важнейшим итогом уфимского саммита 2015 г. стало совместное заявление стран-участниц о необходимости выработки Стратегии их сотрудничества в области культуры, науки и образования. В рамках конкретизации работы на этом направлении был сделан упор на переносе положительного опыта двустороннего взаимодействия на уровень многостороннего сотрудничества.

В настоящее время в БРИКС число форматов взаимодействия, прямо или определенно относящихся к «мягкой силе», превышает четверть из 34 действующих или находящихся в стадии завершения. Это прежде всего Гражданский форум, Консорциум научных центров, Деловой совет, Бизнес-форум, Профсоюзный форум, Молодежный форум, Встреча породненных городов и муниципальных образований, Форум по вопросам урбанизации, Встреча кооперативных объединений стран БРИКС, Семинар по вопросам народонаселения, Совет экспертных центров и другие структуры, использующие потенциал гражданского общества [2, С. 49].

Разумеется, было бы ошибочно представлять нынешнее положение дел в розовом цвете, преувеличивая масштабы и темпы развития «мягкой силы» БРИКС: объединение еще молодое, есть неизбежные внутренние проблемы, а в сложных переплетениях геополитики оно по-прежнему сталкивается с негативными внешними воздействиями. Но главное – в осознании всеми участниками БРИКС практико-политической важности «мягкой силы» в процессе формирования новой модели межгосударственного общения [19, С. 40-49].

Председательство России в БРИКС – наглядное подтверждение реализации одной из важнейших доктринальных установок внешней политики России. Принципиальный момент: если в Концепции-2000 на передний план выдвигалась «задача формирования за рубежом *позитивного* восприятия России, дружественного отношения к ней», т.е. продвижения ее привлекательного образа, то Концепция-2008 уже указывала на «содействии *объективному* восприятию Российской Федерации в мире как демократического государства с социально ориентированной экономической и независимой внешней политикой (курсив М.Н.)». Критерий объективности ставится во главу угла и в Концепции-2013, которая подчеркивает необходимость работы над созданием положительного образа России, *соответствующего* авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества. При этом уточняется, что в рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные

средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских СМИ в мировом информационном поле [20, С. 158-175].

В целом «мягкая сила» рассматривается в Концепции-2013 как комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем обращено пристальное внимание на подводные рифы – риски деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, манипулирования общественным мнением и сознанием. При этом очевидная универсальность внесённого концептуального модуля не отменяет другой универсальной очевидности: «мягкая сила» может быть эффективной только в руках сильного государства. Поэтому столь важно задача совершенствовать систему применения «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности на этом направлении, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику.

Литература:

- [1] Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М., 2012.
- [2] Будаев А. Российское председательство в БРИКС: формирование стратегии «мягкой силы». Международная жизнь, 2015, №8.
- [3] Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государства или что и как объясняет геополитика. «Полис», 2014, №2.
- [4] Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-2000-е годы. М., 2007.
- [5] Выступление С.А. Рябкова на брифинге по тематике БРИКС 21 марта 2013 г. <http://www.mid.ru/>
- [6] Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта (под ред. профессора Василенко И.А.). М., Международные отношения, 2013.
- [7] Иноземцев В. Критика с позиций чистого разума. «Новая газета», 2015. 28 октября.
- [8] Коваль Б.И. Смыслообраз России в представлении россиян и латиноамериканцев. «Латинская Америка», 2007, №9.

- [9] Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем особенности «мягкой силы» России //Россия в глобальной политике, 2012, №4.
- [10] Косачев К.И. ЕС и США вложили в идеологию на Украине гигантские ресурсы//«Взгляд». Деловая газета, 13 марта 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vz.ru/news/2014/3/13/676829.html>
- [11] Леонова О. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке//Обозреватель-Observer, 2015, №2.
- [12] Леонова О. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния//Обозреватель-Observer, 2014, №3.
- [13] Луков В.А. Имидж России в современном мире. [Электронный ресурс] URL: www.pandia.ru/text/77/501/532/php
- [14] Лукьянов Ф. Сила мягкость ломит: в чем слабость внешней политики России//Forbes, 28.08.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/17658>
- [15] Малашенко А. Светлые горизонты «мягкой силы»//Независимая газета, 23 апреля 2013.
- [16] Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М., 2014.
- [17] Независимая газета, 21 октября 2015 г.
- [18] Неймарк М. Свет и тени «мягкой силы»//Независимая газета, 8 апреля 2013.
- [19] Неймарк М.А. Украинский кризис и русский мир //Обозреватель. 2015. №8.
- [20] Неймарк М.А. Культура как ресурс национальной безопасности России /Современный мир и геополитика. Аникин В.И., Анненков В.И., Бажанов Е.П., Громыко А.А., Жильцов С.С., Иванов О.П., Келин А.В., Конышев В.Н., Кукарцева М.А., Митрофанова Э.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Рудницкий А.Ю., Сурма И.В., Соловьев Э.Г., Чуркин В.И. 2015. М. Канон+.
- [21] Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. М., МГИМО-Университет, 2013.
- [22] Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. Вып. 36, март 2013.
- [23] Предисловие переводчика к русскому изданию книги «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике». М., 2006.
- [24] Робен Г. Образ России как зеркало Запада. Кем становится победитель дракона. «Россия в глобальной политике», 2008, №4.
- [25] Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии//Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2010, вып. 10.
- [26] Семенов И. Образы и имидж в дискурсе национальной идентичности. «Полис», 2008, №5.
- [27] Сидорова Е.А. Культурный фактор в отношениях России и Европейского союза. Вестник международных организаций, 2014, №3.
- [28] Смирнов А.И., Кохтюлина

И.Н., Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М., 2012.

[29] Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. «Геополитический журнал», 2013, №1.

[30] Филимонов Г. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. М., РУДН, 2012.

[31] Харитоновна Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки. Мировая экономика и международные отношения, 2015, №6.

[32] Nye J. S., Jr. Soft power. The means to success in world politics, 2004.

[33] Ney Joseph S. The Limits of Chinese Soft Power. Project Syndicate. 2015. 10 июля.

[34] <http://russiancouncil.ru/imner/?id4=2878#top>